

Опустились сумерки, и пристань Фанди погрузилась в мягкий свет луны. На берегу в густых зарослях травы весенние жучки, будь то вдали или вблизи, тихо жужжали, отзываясь друг другу. Большая джонка рода Сяо спокойно стояла на якоре у пристани, мерцающий до этого огонёк свечи в окне давно погас, а люди в каютах крепко спали, лишь отвечающие за ночной караул охранники, разделившись на четыре-пять человек, чередовались и молча обходили каждый этаж.

В Тун обе стороны власти плели свои сети, чтобы расправиться с Фэн Мином — первая нить, которая охватывала народ, неожиданно медленно и крепко затянулась.

Столица Тун — Тунцзэ.

Резиденция наследного принца Цин Ли располагалась во дворце Тунъань, который находился менее чем в десяти ли к востоку от дворца Тун. Это место, окружённое высокими красными стенами высотой в половину чжана[1], занимало огромную территорию, во двореке был разбит сад с разными и редкими растениями, само же внутреннее убранство здания выглядело достаточно роскошно. Поскольку эта резиденция даровалась испокон веков наследным принцам Тун, её стали называть «дворцом наследного принца».

Цин Ли на данный момент жил как раз в этом дворце в самой просторной, светлой и проветриваемой из всех опочивален комнате, которая крайне удобно соединялась с резиденцией Бэйсю, что была обустроена за три месяца для проживания самой приближённой к принцу красавицы Чан И, которая завоевала сердце Цин Ли и в которой он души не чаял.

Солнце близилось к полудню, Цин Ли по-прежнему прятался в спальне, заигрывая с Чан И.

— Тсс, позвольте спокойно поразмышлять.

— Хорошо, только не шуми. — Принц крепко обнял девушку сзади за изящную стройную талию и с чрезмерной любовью смотрел на хмурое, задумчивое, но красивое лицо.

Этой девушке было не меньше семнадцати-восемнадцати лет, кроме трогательной внешности, она обладала ещё кротким характером, к тому же являлась крайне льстивой и могла втереться в милость, вдобавок ещё хорошо знала гадания и искусство врачевания. Поскольку Чан И стала круглой сиротой, то была продана в резиденцию Тунъань, и при первой встрече с Цин Ли девушка поразила его своей внешностью, после чего молодой принц в ней души не чаял, считая, что она — посланная Небесами в утешение за смерть отца-императора, слух о котором пронёсся по всей Поднебесной.

— Ваше Высочество, Чан И предсказывает хорошее.

— Э? Что это значит?

— Это предсказание сулит много счастья, — шёпотом пояснила девушка, словно робость и чрезмерная усталость охватили её, и, упав в объятия сзади стоящего Цин Ли, добавила: — Ваше Высочество вступит на престол — это предопределено Небесами, и никто не воспрепятствует. Но...

Цин Ли заметил, что на милом лице появилась тревога, и заботливо поинтересовался:

— Но что?

— Но в нём словно таится небольшая преграда, будто, чтобы заполучить престол, нужно расправиться с одним важным делом, и тогда достигните желаемого.

Услышав её слова, Цин Ли, наоборот, вздохнул с облегчением и, нисколько не возражая, сказал со смехом:

— А я всё ошибочно предполагал что-то неладное. А оказалось, вот оно что, важное дело — конечно же, расквитаться с самым грозным врагом моего отца-императора. К счастью, ты тогда мне намёком дала понять ошибку, иначе я до сих пор из-за царствующего дядюшки ни одного плана не осуществил бы. Как только убью этого князя Мина, во-первых, отомщу за отца-императора, во-вторых, этого будет вполне достаточно, чтобы министры вместе с народом поверили в смерть отца-императора, в-третьих...

— В-третьих, данный поступок, конечно же, поддержит нынешнего императора Силэй[2], — с насмешкой отозвалась Чан И и бросила на принца томный кокетливый взгляд. — Ваше Высочество такой мудрый, я правда не понимаю, почему эти министры предпочитают заискивать перед Вашим дядюшкой, а не перед Вами.

— Они когда-нибудь пожалеют об этом. — В глазах Цин Ли мелькнул злобный блеск, но вскоре принц вновь распутно засмеялся и рукой скользнул за пояс девушки, пробираясь к нижнему платью, с вопросом: — У тебя ещё остались те возбуждающие[3] пилюли, что давала прошлый раз?

Чан И нахмурила брови и, не позволяя телу изогнуться, воспротивилась:

— Ваша служанка не хочет подобного. Каждый раз Ваше Высочество, стоит ему выпить эти пилюли, становится крайне неистовым, рано или поздно Ваше Высочество доведёт до смерти Вашу служанку.

Посетовав немного, девушка расслабила лоб и прекратила хмурить овеянные весной[4] брови, после чего развязала висящий за поясом полный благовоний мешочек[5] и, достав две маленькие круглые пилюли тёмно-зелёного цвета, дала Цин Ли.

Цин Ли очень обрадовался, взял пилюли и, намереваясь съесть сразу две, приказал служанкам

принести воды, чтобы запить. Но внезапно за дверью донёлся голос стражника, который доложил:

— Ваше Высочество, принцесса Чан Лю просит Вашей аудиенции.

— Зачем она пришла? — тотчас же почувствовав раздражение, хмуро спросил Цин Ли. — Я как раз занят и не могу её принять.

Обернувшись и посмотрев на Чан И, которая уже сама развязала одну сторону полы халата и которой невозможно было налюбоваться, поддавшийся соблазну Цин Ли испытал сердечный зуд[6].

Хохотнув пару раз, принц взял было нефритовую чашу как раз запить «лекарство», как дверь внезапно со скрипом распахнулась. Лучи яркого солнца ворвались в комнату. Чан И от испуга подпрыгнула и, вскочив с кровати, на которой только что сидела, уставилась на дверь.

Романтическая обстановка сразу нарушилась, и принц, впав в ярость, грубо спросил:

— Кто?!

Из-за ворвавшихся лучей солнца в глазах закололо и на мгновение потемнело, спустя минуту принц смог увидеть стоящую перед ним облачённую в придворную одежду, строгую и величественную молодую красивую женщину, за её спиной следовали пятеро служанок. Женщина ненадолго обомлела, но вскоре гневно выпалила:

— Ах, вот значит как! Хорошо.

Чан И, придя в себя, сразу же поднялась с кровати и, преклонив колени, свесила голову, дрогнувшим голосом проронив:

— Ваша служанка приветствует Ваше Высочество.

Чан Лю, пройдя в комнату, уже разглядела недвусмысленную обстановку, царившую там, более того, увидев, что полы нижнего платья Чан И распахнуты, в душе разгневалась, хладнокровно и не принимая во внимание её приветствие, равнодушно обратилась к Цин Ли, придерживаясь этикета:

— Приветствую Ваше Высочество.

— Это так ты приветствуешь? Я уже сказал, что занят, но ты осмелилась ворваться сюда. Неужели принцесса Чжаобэй забыла манеры? — проворчал Цин Ли, но, увидев, что его любимая всем сердцем Чан И стоит на коленях, не смея подняться, невольно почувствовал, как

сердце защемило, и сразу бросился к девушке и, поддерживая её, поднял на ноги. Злясь, принц пристально уставился на свою главную жену:

— Случилось нечто важное, раз так ворвались сюда?

Отвергшая сначала просьбу отца-императора выйти замуж, принцесса Чан Лю прославила Ду Фэна «нежеланным государем», что, конечно, стремительно облетело весь мир, тем самым лицо Его Высочества Цин Ли уже было потеряно. И хоть в итоге она вышла за него замуж, сам Цин Ли не полюбил принцессу Чжаобэй.

— Я[7] неоднократно просила Вашей аудиенции, но Ваше Высочество каждый раз отказывал в ней. — Чан Лю, опустив руки, недовольно сжала кулаки. Но чтобы успокоились собственные чувства, принцесса приглушённо произнесла: — Ваше Высочество, несколько домов, что стоят позади резиденции Тунъань, уже давно пребывают в запустении, в последнее время туда постоянно наведываются незнакомцы, к тому же при них оружие. Вам об этом известно?

— Известно, — равнодушно ответил Цин Ли, не придавая этому никакого значения. — Эти несколько человек — мастера меча, готовые служить мне, и это я пожелал их временно там разместить.

— Что именно хочет Ваше Высочество, что бы они сделали ради Вас?

— Тебя это не касается.

— Чтобы ради Вашего Высочества они убили князя Мина из Силэй? — на серьёзном лице Чан Лю показалась шелковинка презрительной насмешки, словно принцесса решила, что сегодня она смело выскажет то, что у неё на уме. И с серьёзностью добавила: — Кем является князь Мин? Он возлюбленный как правителя, так и народа Силэй, к тому же сейчас он молодой господин рода Сяо. Знает ли Ваше Высочество или нет, для чего князь Мин в открытую, набравшись смелости, отправился в путешествие по миру? Неинтересно, почему его никто не убил? Да всё потому, что тогда никто не скроется от мщения императора Силэй и семьи Сяо. Действовать так, как Вы, разве не считается самоубийством?

Заметив, что принцесса смелеет с каждой минутой, Цин Ли крикнул:

— Что ты знаешь?! Невежественная супруга! Неужели ты нагло смеешь критиковать большое дело государя?

Уважаемая как принцесса Чжаобэй, Чан Лю вышла замуж за принца Тун, и хоть она не испытывала любви к Цин Ли, однако всё же стала главной женой и никогда не подвергалась такой брани со стороны Цин Ли, и, придя в замешательство, женщина прекратила ругаться с собственным мужем, после чего перевела внимание на стоящую в стороне Чан И, которая сейчас казалась такой слабой, что от ветерка с ног могла свалиться, и сказала:

— Это ты, подлая женщина, подстрекаешь Его Высочество? Ты крайне смелая, раз посмела сбить с толку Его Высочество...

— Только ты здесь очень смелая! — обняв Чан И, принц заметил, как слегка трясётся её тело, отчего впал в безудержный гнев и, указывая на нос принцессы, забранился: — Убирайся вон, от ядовитой ревности нет спасительного средства! Эй, кто-нибудь, схватите её и выведите отсюда! — не крикнул, а прорычал принц. Стоящая снаружи охрана стремительно ворвалась в комнату и, обратившись к Чан Лю, уже хотела было выпроводить принцессу прочь.

И тут раздался звонкий шлепок — Чан Лю замахнулась и отвесила пощёчину охраннику, который посмел приблизиться к ней; непоколебимо продолжая стоять на месте, женщина выглядела внушительно, всем своим видом говоря, что её нельзя оскорблять. Посмотрев на Цин Ли несколько минут, принцесса разомкнула дрожащие и бледные, словно нефрит, губы:

— Ни к чему вам распускать руки, эта принцесса сама может уйти.

Свирепо посмотрев на Чан И, женщина развернулась и вышла за дверь. Несколько следующих за ней служанок также поспешили сопроводить Её Высочество. Глядя на удаляющийся силуэт, принц, словно ещё не утолив злобу, развернулся и заорал на стоящих позади стражников:

— Убирайтесь вон! — после чего ногой ударил дверь, но, не в состоянии твёрдо стоять, отшатнулся назад.

— Ваше Высочество! — своевременно поддержала его сзади Чан И и сладким голосом добавила: — Вашему Высочеству не нужно так злиться.

Цин Ли, обернувшись и увидев красивое личико, почувствовал, как настроение немного улучшилось; позволяя Чан И придерживать его, принц вернулся к кровати и, массируя середину своей груди, со вздохом проговорил:

— Я правда не понимаю отца-императора, зачем он пожелал женить меня на такой возмутительной женщине? В будущем, когда вступлю на престол, первым делом брошу её, после чего сделаю тебя своей императрицей.

— Чан И не осмелится питать слишком большие надежды касательно императрицы, — слегка проронила девушка. — Чан И просто хочет, чтобы Ваше Высочество поскорей отомстил за государя, убив князя Мина, а как только Ваше Высочество станет государем Тун, простому народу Тун улыбнётся удача.

— Конечно, и разговора быть не может, — стоило услышать утешение в словах девушки, и Цин Ли снова почувствовал себя значительно лучше, а ручка Чан И, надавив на середину его груди, начала легонько и нежно массировать, заставляя сердце Цин Ли учащённо забиться.

Распутная улыбка вновь медленно растянула губы, словно водная рябь:

— М? Куда только что подевались две пилюли? Пойди найди их, и мы хорошенько повеселимся...

Чан Лю, ускорив шаг, вернулась к себе в опочивальню и, махнув идущим сзади служанкам, при себе лишь оставила приехавшую с ней из Чжаочжун очень близкую старшую служанку-наставницу[8] Минь[9].

Убедившись, что дверь заперта, женщина больше не могла сдерживаться и, упав ничком на роскошную кровать, залилась слезами.

Наставница Минь, когда они были в Чжаобэй, с детства заботилась о старшей принцессе, и спустя много лет женщины сроднились, став друг другу старшей и младшей сёстрами. Наставница Минь, сев сбоку, с жалостью посмотрела на подопечную и нежно подбодрила:

— Горько плакать вредно для здоровья, а принцессе нужно им дорожить.

На что Чан Лю посетовала со слезами на глазах:

— К чему мне дорожить здоровьем? А кто в этой Поднебесной будет ценить меня? Отец-император заставил меня выйти замуж и уехать в Тун, чтобы заключить союз между двумя странами, чтобы немного внести порядок в этот хаос. Однако нынче Цин Ли безрассуден, неожиданно захотев тайно убить князя Мина. Если с ним случится беда, разве это не затронет меня как главную жену? Если стану мишенью, то под угрозой гибели окажется и Чжаобэй, ведь князь Мин обладает огромным могуществом, разве можно его оскорблять как угодно?

Наставница Минь, понимая замешательство принцессы, вместе с Её Высочеством плача и вытирая слёзы, прошептала:

— Принцесса права, Его Высочество раньше хоть и безобразничал, но не был таким сбитым с толку, так почему сейчас упрямится и не слушает чьих-либо слов?

— Всё из-за этой женщины! — ворчала Чан Лю, находясь в своих покоях и медленно вытирая платком слёзы, при этом в её глазах мелькал тёмный огонёк злобы. — С того момента, как появилась эта неизвестно откуда взявшаяся безродная женщина, Цин Ли изменился, став невыносимым, своевольным, жестоким, надменным, не слушает чьих-либо слов и всецело поглощён мыслями об этой женщине, в которой души не чаёт.

— По-моему, у этой женщины прошлое очень непростое: не только соблазнила принца, к тому же она даёт Его Высочеству какие-то лекарства, которые не являются чем-то полезным. Принцесса не запомнила? Сегодняшнее выражение глаз и лица Его Высочества выглядели сквернее, чем обычно.

Глаза Чан Лю припухли от слёз, а на губах появилась холодная усмешка:

— Пф, поделом.

Наставница Минь со вздохом сказала:

— Всё это время принцессе незачем срывать злобу. Проблема кроется в этой ведьме[10], боюсь, что придётся уничтожить эту женщину, только так.

— Эта женщина очень осторожна: за три месяца, что она провела здесь, ни на шаг не отходила от Его Высочества, к тому же она очень хорошо знает снадобья, как лекарственные, так и ядовитые, с ней, на удивление, трудно справиться. Да и Цин Ли, что говорю, не слушает, убедить его невозможно, в конце концов, в каждом слове, в каждом звуке[11] твердит, что эта женщина даёт верные лекарства. — Чан Лю вспомнила неприятные ощущения, которые её охватывали при каждой встрече с Цин Ли, ещё и сон пропал. Понимая, что вышла замуж не за того человека, женщина невольно подняла руку, чтобы утереть слезу.

— Принцесса, — подошедшая к подоконнику наставница Минь оглянулась по сторонам и, убедившись, что никого нет, закрыла окно, после чего вернулась к кровати и прошептала: — Принцесса изначально не стремилась по собственной воле выйти замуж и приехать сюда, так почему сейчас не воспользоваться случаем и не сбежать в Чжаобэй? А когда придёт время, даже если князь Мин умрёт от рук принца Цин Ли, то множество людей Поднебесной узнает, что принцесса изо всех сил шла против желаний Его Высочества.

Взгляд Чан Лю внезапно просиял, но вскоре снова померк, и, покачав головой, женщина удручённо проронила:

— Я изначально вышла замуж ради народа Чжаобэй, если же брошу мужа, то это навредит чести царствующего рода Чжаобэй и у отца-императора больше не будет возможности вновь завязать дружеские отношения с Тун. Но что ещё страшнее — если Цин Ли и впрямь добьётся успеха, то тогда, взойдя на престол, из-за моей выходки не станет ли он могущественным врагом Чжаобэй? Даже если престол перейдёт в руки Цин Чжану, который прославится как император Тун, то, боюсь, он просто так не пощадит Чжаобэй.

Наставница Минь, немного поразмыслив, также поняла, что выдвинутый ею совет совершенно не выполним, после женщина нахмурилась, задумавшись, а спустя долгое время предложила, направив тему в другое русло:

— Тогда... тогда принцессе ничего другого не остаётся, как написать письмо и спешно отправить гонца напрямик в Чжаочжун, пусть государь вмешается от своего имени.

— Слишком поздно, путь от Тун до столицы Чжаобэй — Цзылинь — и обратно займёт очень много времени. К тому же отец-император в далёкой стране, да ещё выживший из ума из-за лекарств Цин Ли навряд ли окажется полезным.

— Принцесса?

— Я не позволю Цин Ли получить то, чего он хочет.

Увидев решимость на красивом лице Чан Лю, словно решение уже было принято, наставница Минь испуганно пролепетала:

— Что собирается предпринять принцесса?

На что женщина с холодной усмешкой вернула:

— Я лично напишу письмо и тайно направлю гонца к князю Мину, расскажу ему всё, что задумал Цин Ли. Я не только поведаю ему о замысле убить Его Светлость, но и послужу ему лазутчиком, и буду для него следить за Цин Ли. — Женщина зло вцепилась в нижнюю губу зубами, повернулась посмотреть на наставницу Минь и, вернув прежний вид, обнажила шелковинку беспомощной улыбки: — По слухам, князь Мин из Силэй придаёт огромное значение чуткости, а, приняв моё особое расположение, разве не отблагодарит тем же?! Таким образом, независимо от ситуации, какой бы сложной она ни оказалась, по крайней мере у меня, бедняжки, ещё может появиться союзник, на которого я смогу опереться, находясь в Тун.

Примечания:

[1] Около 1,5 метра.

[2] Речь идёт о Тун-эре.

[3] Цин Ли говорит 配 (pèi) — пай — что означает «сочетаться (браком)», «подходить друг другу».

[4] Означает, что девушка ещё очень юна.

[5] Такой мешочек чаще использовался, чтобы дурной запах не приставал к одежде. Его также можно было использовать как женское украшение.

[6] «Испытывать сердечный зуд» — обр. в знач.: чувствовать сильное желание, влечение, искушение.

[7] Чан Лю называет себя 贱人 (qièshēn) — цешэнь — уничижительное «я», когда женщина говорит о себе.

[8] 师 (shī) — ши — наставник\воспитатель\учитель.

[9] Слово 敏 (mǐn) — минь — в китайском имеет значения как прилагательное — «проворный», «ловкий», «быстрый», «понятливый», как существительное — «ум», «способность», «талант», то есть фамилию служанки можно примерно перевести как «Проворный ум».

[10] В оригинале используется слово 妖女 (yāonǚ) — яонюй — женщина-демон, ведьма; роковая

красотка.

[11] Обр. в знач.: говорить одно и то же.

<http://bllate.org/book/13377/1190232>